

кономерно, что в этих условиях, на первый план выходят неформальные механизмы, воспроизводя традиционный (основанный исключительно на личной преданности) тип внутриэлитных взаимодействий.

Примечания

¹ Экспертный опрос проводился исследовательской группой Саратовского межрегионального института общественных наук при Саратовском госуниверситете им. Н.Г. Чернышевского (д-р полит. наук, профессор П.И. Шестов, канд. полит. наук И.И. Кузнецов, канд. полит. наук М.В. Данилов, канд. полит. наук Д.В. Попонов, канд. полит. наук, доцент И.Н. Тарасов, канд. полит. наук, доцент С.Г. Сергеев) в рамках сетевого межрегионального проекта АНО «ИНО-Центр» «Будущее России – взгляд из центра и регионов: политическая сфера». В опросе приняли участие 20 экспертов, в числе которых представители политической элиты, средств массовой информации, бизнес-структур, политологического сообщества.

² См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: ФЗ № 79 от 27 июля 2004 г. // Рос. газета. 2004. 31 июля.

³ См.: О государственной службе Саратовской области: Закон Сарат. обл. от 15 дек. 1996 года // Сарат. вести. 1996. 30 дек.

⁴ См.: Об утверждении Положения о проведении конкурса на замещение вакантной государственной должности государственной службы Саратовской области: Постановление губернатора Сарат. обл. № 926 от 26 дек. 1997 г. // Сб. нормативных документов. Саратов, 1998.

⁵ См.: О государственной гражданской службе Саратовской области: Закон Саратовской области № 15-ЗСО от 2 февр. 2005 г. // Неделя области. 2005. № 7. 9 февр.

⁶ См.: Об утверждении методики проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Саратовской области в органах ис-

полнительной власти Саратовской области: Распоряжение Правительства Сарат. обл. № 169-Пр от 17 июня 2005 г.

⁷ См.: Вопросы конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Саратовской области: Постановление Правительства Саратовской области № 146-П от 12 мая 2005 г.; Об утверждении методики проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Саратовской области в органах исполнительной власти Саратовской области: Распоряжение Правительства Сарат. обл. № 169-Пр от 17 июня 2005 г.

⁸ См.: О кадровом резерве на государственной гражданской службе Саратовской области: Постановление губернатора Сарат. обл. № 216 от 30 авг. 2005 г.

⁹ См. подробно: *Нарцис М.В., Кирсанов М.В.* Современные кадровые технологии в системе государственной службы // Реформа государственного управления в России: взгляд изнутри. М., 2004.

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства РФ № 1789-р от 25 окт. 2005 г. Документ опубликован на интернет-сервере Правительства РФ (<http://nra.gov.garweb.ru:8080/public/default.asp?no=88767>)

¹¹ См.: *Клиш П.Н.* Методы повышения эффективности финансового управления в органах исполнительной власти // Состояние и механизмы модернизации российского государственного управления. М., 2004

¹² См.: Об оценке результативности деятельности руководителей органов исполнительной власти области: Распоряжение Правительства Саратовской области № 147-Пр от 30 мая 2005 г. (в редакции распоряжения Правительства Саратовской области № 307-Пр от 21 окт. 2005 г.).

¹³ См.: *Гришина Е.Е.* Механизмы стимулирования результативности работы государственных и муниципальных служащих: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.

УДК 32::159.9+32(092)

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ (на примере стран Центрально-Восточной Европы)

И.Н. Тарасов

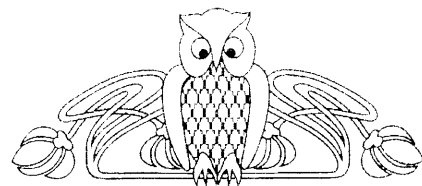
Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра философии и политологии
E-mail: ijatarasov@mail.ru

В статье на примере стран Центрально-Восточной Европы рассматриваются проблемы, связанные с влиянием общественно-политического имиджа политического лидера на его личные или партийные элективные показатели. В качестве объектов рассмотрения выбраны образы ведущих политиков региона: А. Квасьневского, В. Мечьяра и В. Клауса. Различия политического лидерства, обусловленные особенностями институционального дизайна, позволяют выделить три типа лидерства в странах ЦВЕ: мажоритарное, парламентарное, мажоритарно-парламентарное.

Elective Images Measurement of Political Leaders (On Example of the Countries of Central-East Europe)

I.N. Tarasov

In article on the example of the Central-East Europe countries are considered problems connected to influence of political image of the

political leader on its personal or party elective parameters. As objects of consideration are chosen images of conducting politicians of region; by A. Kwasniewski, V. Meciar and V. Klaus. The distinctions of political leadership caused by features of institutional design, allow allocating three types of leadership in the CEE countries: majority, parliamentary, majority-parliamentary.

Посткоммунизм в Европе предстает перед нами в разнообразных формах переходных политических режимов. В каждой из посткоммунистических стран мы обнаружим специфические черты, которые часто обусловлены характером политического лидерства и личными качествами ведущих политических

деятелей. Всеми теоретическими моделями демократизации выборы рассматриваются как основополагающий механизм движения общества к демократии, поэтому вопрос об электоральном измерении образов политических лидеров вызывает определенный научный интерес.

Образ политического лидера представляет собой преимущественно иррациональное отражение его рациональных суждений. Но наряду с эмоциональным отношением к лидеру самым значимым фактором образа лидера является доверие к нему со стороны избирателей. В этом отношении результаты опросов общественного мнения и реального голосования могут выступать надежным источником, фиксирующим образ лидера. Кроме того, именно электоральное отражение предоставляет возможность установить динамику изменения образа политического лидера с формальной стороны.

При всех существенных различиях демократического транзита в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ)¹ все же можно констатировать, что проблема формирования образа власти с учетом региональной специфики, является общей. Для нас важно понять, какие политико-психологические свойства лидера способствуют или препятствуют электоральному успеху в посткоммунистических условиях, какую роль играет общественно-политический образ (имидж) политика и идеологическое содержание его воззрений. Главной задачей нашей работы является определение степени влияния сложившегося общественно-политического образа (имиджа) политического лидера на его (или его партии) элективные показатели.

Рассматривая имидж политика, Е.В. Егорова-Гантман отмечает, что он имеет три группы основополагающих компонентов: персональные (физические, психофизиологические особенности, характер, тип личности, индивидуальный стиль принятия решений и т.д.); социальные (статус лидера – официальная позиция, принадлежность к конкретной социальной группе, материальное положение, происхождение и биография, характер взаимодействия со сторонниками и оппонентами); символические (маркер определенной идеологии)². Перечисленные компоненты рационального характера наиболее тесным образом связаны с электоральными

показателями. Л.Н. Шаншиева выделяет три типа политических лидеров стран Восточной Европы конца XX в.: «Одни из них занимали значимые позиции в прежней, социалистической общественной системе, другие сформировались в ее недрах, но выступали в качестве оппозиции и сыграли определяющую роль в сломе этой системы, третьи заявили о себе и заняли властные позиции в условиях демократических реформ 90-х годов»³.

Электоральное отражение образов политических лидеров стран ЦВЕ измеримо по нескольким показателям: во-первых, по уровню поддержки политической партии, с которой связан данный лидер; во-вторых, результаты, полученные им лично на президентских выборах; в-третьих, результаты опросов общественного мнения. Причем приоритет того или иного показателя определяется особенностями институционального дизайна политической системы. Польша является смешанной республикой – здесь «зеркалом» выступают президентские выборы, а Чехия, Словакия и Венгрия – парламентские республики, в которых авторитет политического лидера вполне сопоставим с уровнем поддержки его партии на парламентских выборах. Результаты опросов общественного мнения значимы для оперативной оценки динамики поддержки лидера, однако не являются в полной мере «электоральным зеркалом».

Особое внимание привлекают политические лидеры, имена которых устойчиво ассоциируются с демократическим транзитом: Лех Валенса, Александр Квасьневский, Вацлав Гавел, Вацлав Клаус, Владимир Мечьяр и др. Эти люди по сей день во многом определяют облик политической власти своих стран. В. Клаус – действующий президент Чехии, А. Квасьневский и В. Мечьяр – ведущие политики Польши и Словакии. Кроме того, А. Квасьневского можно отнести к политическим лидерам первого типа, В. Мечьяра – второго, В. Клаус – представляет третий тип. За пределами нашего рассмотрения остаются ведущие политики Венгрии. Не стоит искать в этом факте предвзятость автора. Представляется вполне достаточным отбор политических лидеров каждого типа из разных стран. Такой отбор по оговоренным критериям может быть проведен в любом посткоммунистическом государстве.

Одним из крупнейших политиков в посткоммунистической Польше является Александр Квасьневский. Он вошел в большую политику, став министром по делам молодежи в реформаторском правительстве Жб. Меснера в возрасте 31 года. Становление будущего президента как политического лидера состоялось в 1989–1991 гг., когда он вел активную деятельность в условиях политической неопределенности: участвовал в переговорах круглого стола, занимался проблемами трансформации ПОРП, подготовкой конституционной реформы. Квасьневский получил с избранием на пост председателя Социал-демократии Республики Польша (СДРП) сначала внутрипартийное, а с избранием в 1993 г. в Сейм и общественное признание как политического лидера национального масштаба. В 1995 г. его кандидатура была выдвинута СДРП на пост президента.

К этому времени за А. Квасьневским закрепились репутация прагматика. «Его авторитет как человека, способного вести дискуссию, побеждать в ней противника и вместе с тем способного к диалогу, вырос после круглого стола, после открытых дебатов с А. Михником»⁴. Именно качества полемиста прибавили ему около 8% голосов в ходе избирательной кампании. Основным соперником Квасьневского был действовавший тогда президент Л. Валенса. Противники Квасьневского пытались представить его как «коммуниста» и «безбожника». Симпатии избирателя привлекал внешний вид кандидата Левицы. Отличная спортивная форма (похудел и отказался от мяса), элегантная одежда (синие и голубые сорочки, яркие галстуки), подчеркнутая аккуратность вызвали положительные эмоции. Немаловажную роль в организации внешнего имиджа кандидата сыграла его жена Иоланта. Неудивительно, что 54% избирателей предпочли Квасьневского из-за его личных качеств и лишь 40% разделяли его программу, за него проголосовала молодежь⁵. В первом туре легендарный глава профсоюза «Солидарность» получил 29,5% голосов, Квасьневский – 31,5%⁵. Перед вторым туром сторонники Валенсы попытались разыграть карту «коммунь», сорвать кампанию левого кандидата, привлечь авторитет Костела. Но во втором туре А. Квасьневский получил 51,72%, Л. Валенса – 48,28% голосов избирателей.

В 1995–2000 гг. политический облик А. Квасьневского не претерпел существенных изменений, если не учитывать физических кондиций. Президент набрал лишний вес, поседел и стал менее активен. Квасьневскому пришлось решать насущные вопросы текущей политики. Оставив руководство партией, идеологически он стал более свободен. А. Квасьневский идентифицировал себя как социал-демократ, стремящейся стать социал-либералом⁶. Конституция 1997 г. поставила президента над ветвями власти, придала ему функцию арбитра. В совокупности все эти факторы вывели Квасьневского из-под удара после поражения Левицы на парламентских выборах 1997 г., ухудшения экономической ситуации. Зато внешнеполитические успехи Польши в евроатлантической интеграции формировали положительный образ президента. Поэтому в предвыборной кампании 2000 г. Квасьневский был явным фаворитом, хотя и не вел активной агитации. Его программа представляла набор наиболее общих постулатов, суть которых сводится к лозунгу «Все – улучшить!». Она не содержала каких-либо острых углов и оказалась приемлемой для большинства поляков. На президентских выборах 2000 г. Квасьневский одержал убедительную победу уже в первом туре, получив 53,9% голосов избирателей.

Важно отметить общую тенденцию падения электорального рейтинга Леха Валенсы. Если в декабре 1990 г. на первых прямых выборах президента Польши он получил во втором туре поддержку 75% избирателей, в 1995 г. – 48,28% и уступил президентские кресло своему конкуренту, то в 2000 г. – 1,01% и заявил о прекращении активной политической деятельности⁸. Эта тенденция во многом подтверждает предположение, что в последние годы произошла смена парадигмы лидерства. Лидеров-революционеров в посткоммунистических странах потеснили на политическом Олимпе лидеры-реформаторы (по Такеру), «хозяйственники»⁹.

После отставки в 2005 г. А. Квасьневский остается самым популярным политиком в стране. Сегодня образ А. Квасьневского в обществе имеет исключительно положительные оценки. В целом прагматизм и реализм бывшего президента соответствуют настоящим польского общества, что подтверждают многочисленные опросы, в которых уровень его поддержки стабилен и находится на уровне 45–55%¹⁰. Неслучайно новая коали-

ция левых сил Польши накануне парламентских выборов 2007 г. вновь обратилась к Квасьневскому с предложением вернуться в большую политику, возглавив объединение «Левица и Демократы».

Взлетами и падениями можно охарактеризовать карьеру ведущего политика посткоммунистической Словакии – Владимира Мечьяра, хотя опыт его диссидентской деятельности сравнительно не велик. Тем не менее, в его биографии есть немало эпизодов, которые позволяют нам отнести его ко второму типу восточноевропейских лидеров. К личности Мечьяра внимание привлекает его неординарное положение в элите на протяжении всего посткоммунистического периода.

Политическая карьера Мечьяра началась в 1970 г., когда он был исключен из компартии и снят со всех постов в Чехословацком Союзе Молодежи из-за его отрицательного отношения к советской оккупации страны. Некоторое время Мечьяр осваивал рабочие специальности на предприятиях Тренчина¹¹. Такие последствия репрессий, как пишет М. Шимечка, были стандартными для периода стабилизации. Мечьяр был одним из тех, кого режим выбросил на улицу, а затем помиловал, предоставив возможность получить образование. Окончив юридический факультет в университете им. Я.А. Коменского, будущий словацкий премьер вплоть до «бархатной революции» имел адвокатскую практику. «Этот абсурдный, как закодированный круг, порядок наказания и помилования большинство словацкой элиты приняли и двадцать лет жили в симбиозе с режимом. И на протяжении почти всех этих двадцати лет реальность социализма подтверждала правильность их выбора»¹². В условиях, когда необходимость такого симбиоза с режимом отпала, на политической сцене Словакии возникло мощное демократическое движение «Общественность против насилия» (ОПН).

В период 1989–1991 гг. складывается идеологический образ Мечьяра. Свое видение политического развития республики Мечьяр изложил в программе «Шанс для Словакии», являясь одним из ее соавторов. Первостепенное значение для него приобретает вопрос о национальном самоопределении. Он находит свое поле для развития личного политического успеха – противостояние Праге. Мечьяр на предвыборных митингах говорил о несправедливой федерализации,

вспоминал о коллективном наказании всех словаков за режим Й. Тисо. Откровенно националистическая риторика сочеталась с популизмом широкой демократии и необходимости сохранить высокие социальные гарантии, которые люди имели при социализме. Умение владеть аудиторией – профессиональное качество адвоката, помогло Мечьяру выдвинуться на ведущие позиции в ОПН. В январе 1990 г. он становится министром республиканского правительства, летом – депутатом верхней палаты федерального парламента. Наконец, после победы ОПН на выборах (29,34%) занимает пост премьер-министра Словакии. Торпедирование премьером процесса дезинтеграции ЧСФР вызвало раскол в партии. В 1991 г. Мечьяр возглавил сначала платформу внутри ОПН, а затем самостоятельное Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), хотя и потерял премьерский пост. Таким образом, накануне выборов 1992 г. политический образ Мечьяра как истинного словацкого патриота усилился ореолом героя-мученика. Поэтому неудивительна победа ДЗДС (37,26%) и возвращение его лидера в кресло премьера.

В 1992–1994 гг. Мечьяр проводил политику персонификации партии. Он последовательно устранял внутривнутрипартийных конкурентов. В конечном итоге к 1994 г. большинство тех, кто первоначально входил в руководство партии, покинули ее ряды. Как отмечает С. Фиш, персонификация шла рука об руку с идеологизацией партии. «К середине 90-х годов аморфный, эклектичный и лживый антилиберализм точнее всего соответствовал тому набору принципов, которые были у партии»¹³. К этому времени она превращается в подобие психологического братства. Сходные процессы начались в правительстве страны. Попытка Мечьяра «замкнуть на себе» всю цепь принятия политических решений привела к значительному снижению уровня компетентности правительственных чиновников. На их фоне Мечьяр выглядел незаменимым руководителем. В этот период лидер ДЗДС приобретает некоторые черты лидера-пожарного (по типологии Херманн). «Лидеры-пожарные занимаются тушением пожаров, т.е. реагируют на те проблемы, которые окружающая среда предъявляет их конституентам. Подобные лидеры откликаются на порожденные ситуацией события и проблемы. Насущные требования момента

определяют их действия»¹⁴. Здесь необходимо заметить, что Мечьяр, выдавая себя за лидера-пожарного, сам раздувал политические «пожары». В ситуации обострения политической борьбы Мечьяр организовывал автобусные туры на Братиславу своих региональных сторонников. Как показывает практика, такие приемы срабатывали. Все перечисленные черты политического лидерства Владимира Мечьяра особенно ярко проявились в условиях кризиса 1994 г.

Парламентская оппозиция добилась отставки правительства, однако не смогла сформировать устойчивой коалиции. В результате досрочных выборов ДЗДС получила 34,96% голосов избирателей. Словацкий политолог Г. Месежников отмечает, что у партии Мечьяра сформировался достаточно устойчивый электорат – социально незащищенные слои, почти полностью материально зависимые от милости государства, малообразованные, желающие установления порядка сильной рукой вождя, люди, страдающие ксенофобией, зараженные национализмом¹⁵. Победа ДЗДС привела к установлению особого политического режима, который характеризуется персонификацией и деидеологизацией правящей партии и партизацией государства. Вместе с тем, персонификация партии дала «жизнь» таким лидерам, как И. Гашпарович и Р. Фицо. В период 1994–1998 гг. политическое лидерство В. Мечьяра приобретает явно авторитарные черты. «Вытоптан» внутрипартийное поле, он выдвигает на ведущие политические посты людей малокомпетентных, но лично преданных вождю. Так состав парламента был обновлен на 41%¹⁶.

На выборах 1998 г. ДЗДС получила наибольшую поддержку избирателей (28,66%), но не смогла сформировать кабинет. Причинами падения мечьяризма в 1998 г. С. Фиш называет провал идеи партизации государства, фиглярство лидера и криминальные способы политической борьбы, отсутствие позитивной программы, сохранение открытого характера словацкого общества¹⁷.

Даже после поражения 1998 г. В. Мечьяр остается ведущими словацким политиком. В 1999 г. партия номинировала его кандидатом на пост президента на первых прямых выборах главы государства. В первом туре Мечьяр получил 37,20%, уступив лидерство кандидату правящей коалиции Р. Шустеру

почти 10%¹⁸. Во втором туре преимущество Шустера над Мечьяром увеличилось до 15,60%. Таким образом, полученные Мечьяром 42,81% во втором туре являются пределом его личной популярности, поскольку политические установки лидера ДЗДС не изменились по сравнению с началом его политической карьеры. Все же необходимо заметить, что в последние годы наметилось расхождение в рейтинге партии и самого Мечьяра. Это подтвердили итоги парламентских выборов 2002 г. и 2006 г., а также президентская кампания 2004 г.

В 2002 г., получив 19,50% голосов избирателей, ДЗДС вновь заняла первое место, но не смогла сформировать правительство из-за отсутствия коалиционных партнеров. Из персонифицированной организации Движение стало превращаться в стандартный политический субъект левоцентристской ориентации. Накануне президентских выборов 2004 г. уровень поддержки В. Мечьяра постоянно повышался. Если в феврале 2004 г. он составлял 18,70%, то в конце марта – 26,00%. По результатам голосования в первом туре (3 апреля 2004 г.) В. Мечьяр занял лидирующую позицию, получив 32,73%. Во второй тур вышли В. Мечьяр и И. Гашпарович. Перед словацким избирателем наметился очень простой выбор – меньшее из зол. Словакия выбрала Гашпаровича, хотя Мечьяр получил поддержку 40,08% избирателей¹⁹. По всей видимости, многие словаки поддерживают Мечьяра, но еще большее их число не готовы голосовать за него. Очевидно, что несоответствие предлагаемых идей личному поведению не дает эффективных результатов. Высокий рейтинг самого Мечьяра не помог партии в 2006 г., когда ДЗДС получила лишь 8,79%, уступив популистскому Альянсу нового гражданина (АНО) Р. Фицо и либеральной Демократической и Христианской унии (СДКУ) М. Дзуринды.

Чешская политическая сцена долгое время имела двух гениальных, но презирающих друг друга актеров, двух Вацлавов – Гавела и Клауса. Действительно, их политический образ в сознании чехов диаметрально противоположен. Гавел – драматург и диссидент, моральный авторитет нации, Клаус – экономист и карьерист, воспринимается как удачливый политический делец. За рубежом имя последнего устойчиво ассоциируется с «чешским экономическим чудом». Вместе с

тем, можно согласиться с М. Оренстейн в том, что «Вацлава Клауса запомнят, возможно, больше как политика, чем как экономиста»²⁰. Это предположение было высказано еще до избрания Клауса на пост президента Чехии в 2003 г.

Клауса можно отнести к политическим лидерам третьего типа, т.е. к тем, кто занялся активной политической деятельностью под влиянием революционных перемен конца 1980-х гг. Нынешний чешский президент не участвовал в деятельности подполья. Клаус вошел в круг людей, связанных с Р. Климовой, которая в 1989 г. познакомила его с Гавелом²¹. Формирование общественно-политического образа нынешнего обитателя пражского Града началось во время «Бархатной революции», когда академический ученый-экономист с 16-летним стажем работы в государственном банке был назначен на пост министра финансов Чехословакии. Осенью 1990 г. произошел разрыв между Гавелом и Клаусом, когда лидером Гражданского форума (ГФ) был избран прагматик Вацлав Клаус. Кулуарные переговоры с региональными представителями позволили ему «выкрасть» партийную власть у Гавела. Важно отметить, что в этот период руководитель Форума проявлял явную социал-либеральную ориентацию, что помогло ему завоевать авторитет внутри движения²². Клаус на посту лидера ГФ не смог сохранить единство и сам в феврале 1991 г. основал Гражданскую демократическую партию (ГДП), которую возглавлял до 2002 г. Виновен ли Клаус в распаде Форума? По всей видимости, сдерживать центробежные тенденции было объективно невозможно. Политическая практика показывает, что любое широкое общественное движение, достигая конкретной цели, неминуемо распадается. Сам Клаус признавал, что использовал положение ГФ для создания собственной политической партии. Окончательно Клаус и Гавел разошлись по вопросам о будущем Федерации и тактике экономических реформ.

Чехия, появившаяся на карте Европы в 1993 г., является парламентской республикой. Большая часть властных полномочий находится в руках премьер-министра, а кабинет формируется на основе парламентского большинства. Это обстоятельство позволяет нам ориентироваться на результаты парламентских выборов при отражении об-

раза политического лидера в электоральном «зеркале». Кроме того, доминирование личности Клауса внутри партии дает основание в известной мере отождествлять электоральные показатели ГДП с именем ее председателя.

Впервые ГДП победила на выборах в Чехии летом 1992 г., получив 29,73% голосов избирателей. Клаус стал премьер-министром. С этого момента в идеологическом плане он начинает эволюционизировать в сторону неолиберализма фридмановского типа. Избиратель воспринимал премьера не столько как борца с коммунизмом (эта роль отводилась Гавелу), сколько успешного менеджера национального масштаба. Неслучайно за четыре года правления партия, персонифицированная с Клаусом, сумела сохранить доверие граждан, получив на следующих выборах 29,60%. «Клаус отнюдь не был склонен к самопожертвованию, в отличие от таких диссидентов, как, например, Вацлав Гавел. В этом качестве он схож с рядовым средним чехом, который довольно скоро стал испытывать усталость от правления морального меньшинства героев-диссидентов»²³. Отношение к премьеру и его партии резко изменилось, когда в 1997 г. в прессе появились сообщения о финансовых махинациях ГДП. Падение рейтинга общественного доверия к Клаусу, а также кризис неолиберальной политики привели к отставке кабинета.

Все же необходимо признать, что в период до внеочередных выборов в 1998 г. Клаусу удалось поддержать свой личный авторитет за счет дистанцирования от внутрипартийных махинаций и эффективной критики правительства Й. Тошовского. В отличие от В. Мечъяра чешский политик отказался от персонификации партии. Летом 1998 г. рейтинг лидера ГДП составлял 27%, а на выборах его партия, хотя и уступила первенство социал-демократам, получила 27,70% голосов избирателей. На протяжении четырех лет Клаус сохранял видное место на чешской политической сцене, будучи спикером нижней палаты. Казалось, что ренессанс ГДП неминуем, однако в 2002 г. партия Клауса потерпела очередное поражение на выборах, получив 24,47%. Основной причиной тому стала старая программа партии и уход лидера в тень. Клаус занялся подготовкой собственной номинации на пост главы государства. В феврале 2003 г. парламент избрал его прези-

дентом. В ходе выборов Клаус вновь проявил свои способности убеждать. Не имея поддержки большинства, он сумел привлечь на свою сторону ряд депутатов из числа коммунистов и социал-демократов, тонко сыграв на внутрипартийных противоречиях. За Клауса проголосовали 142 депутата и сенатора (50,71% парламентариев)⁵⁴. На инаугурации Клаус заявил: «Хочу укрепить доверие граждан в нашу политическую сцену». Уровень доверия к новому президенту со стороны граждан достаточно высок и по опросам общественного мнения накануне президентских выборов составлял 31%, а в декабре 2006 г. – 74%⁵⁵. Планируемый переход к прямым выборам президента в Чехии существенно повышает шансы В. Клауса занять пост главы государства во второй раз.

Предпринятый анализ свидетельствует, что общность политического режима не означает единообразия в типе лидерства⁵⁶. Вывод, сделанный Е.Б. Шестопал на базе исследования российского материала, во многом подтверждается и на материале стран ЦВЕ. В данном регионе, как и в России, существует расхождение между установками на политиков и действительным электоральным выбором. Тем не менее, можно утверждать, что в последние годы рациональные оценки деятельности политиков стали преобладать над иррациональными оценками.

Анализ электорального отражения образа политического лидера имеет ограниченную эффективность и в состоянии лишь фиксировать динамику изменения рациональных установок политика в соотношении с уровнем его поддержки. Различия политического лидерства, обусловленные особенностями институционального дизайна, позволяют выделить три типа лидерства в странах ЦВЕ: мажоритарное (А. Квасьневский), парламентарное (В. Клаус), мажоритарно-парламентарное (В. Мечьяр). Трех лидеров объединяет принадлежность к одному политическому поколению; идеологический прагматизм – стремление использовать идеи социал-либерализма приносило им наибольший успех: вхождение в состав высшей политической элиты в период демократизации конца 1980-х – начала 1990-х гг.; развитые ораторские навыки, привлекательная внешность, высокий интеллект. Для них характерен дух модернизации и реформизма. Их морально-этические каче-

ства, отношение к религии для избирателей являются вторичными. Сложившийся общественно-политический образ политического лидера в ситуации идейного или институционального кризиса (внутри отдельной партии или политической системы в целом) оказывает определяющее влияние на электоральные показатели. Вместе с тем, степень влияния личного имиджа политика-лидера на результаты выборов имеет тенденцию к снижению в условиях поступательно развивающегося процесса консолидации демократии. Изучение на примере стран Центрально-Восточной Европы показывает, что электоральное измерение образов политических лидеров вполне пригодно в качестве одного из индикаторов при оценке переходных политических процессов.

Примечания

- ¹ В современной политической науке, как отечественной, так и зарубежной, нет единого мнения по вопросу о содержании концепта «Центрально-Восточная Европа». В большинстве работ имеются в виду Польша, Чехия, Словакия и Венгрия.
- ² Имидж лидера / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1994. С.117.
- ³ Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе – Отв. ред. Л.Н. Шанничева. М., 2003. С.6.
- ⁴ *Львошинка Л.С.* Александр Квасьневский – президент всех поляков // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе / Отв. ред. Л.Н. Шанничева. М., 2003. С.50.
- ⁵ *Потемкин А.* Польша: выборы нового президента // ИТАР-ТАСС. 1995. №80. 30 дек.
- ⁶ *Kwaśniewski A.* Dom wszystkich Polska. Warszawa, 2000. S.310.
- ⁷ *Kwaśniewski A.* Wzór, praktyka i obyczaj polityczny // Rzeczpospolita. 2000. 18 sierpnia.
- ⁸ См.: *Тарасов И.И.* Кризис правых партий в Польше // Человек и власть в современной России. Саратов, 2001.
- ⁹ См.: *Шестопал Е.Б.* Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. №6.
- ¹⁰ Vergleich der Präsidenten Lech Kaczyński, Aleksander Kwaśniewski und Lech Wałęsa // Polen-Analysen. 2006. №1. S.11.
- ¹¹ Официальная биография В. Мечьяра размещена на сайте ДЗДС: <http://www.meciar.hzds.sk>
- ¹² *Шимечка М.* Урок реального социализма // Центрально-Европейский ежегодник. М., 2003. С.34.
- ¹³ *Фили М.С.* Конец «мечьяризма» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (КПВО). 1999. №3.
- ¹⁴ *Херманн М.* Стили лидерства в формировании внешней политике // Полис. 1991. №1.
- ¹⁵ *Mesežnikov Gr.* Domestic Politics // Slovakia 1996-97. Bratislava. 1998. P.20.
- ¹⁶ *Мачова Д.* Парламентские процедуры и доминирование законодательной власти. Словакия // КПВО. 1995. №2.

¹⁷ Фиш М.С. Указ. соч.

¹⁸ Добер Э. Мечьяр еще надеется на реванш // Известия. 1999. 18 мая.

¹⁹ Результаты президентских выборов в Словакии опубликованы на сайте Национального статистического управления: <http://www.statistics.sk/prezident2004/>

²⁰ Оренштейн М. Вацлав Клаус: революционер и парламентарий // КИВО. 1998. №3.

²¹ Klaus V. Misto autobiografie: urcujici momenty a vlivy // <http://www.klaus.cz/>

²² Руденко Н. Капитализм с лицом Вацлава Клауса // Новое время. 1994. №44.

²³ Оренштейн М. Указ. соч.

²⁴ http://www.zpravodaj.cz/dpg_m62342.htm

²⁵ См.: Radio Praha, 20.XII.2006: <http://www.radio.cz>

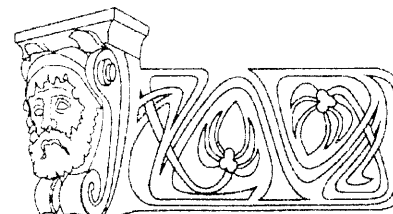
²⁶ См.: Шестопал Е.Б. Указ. соч.

УДК 321

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

И.И. Брянцев

Комитет общественных связей и национальной политики Саратовской области
E-mail: bryancevii@saratov.gov.ru

В статье представлены некоторые подходы к изучению и сравнительному анализу моделей взаимодействия некоммерческих организаций с региональной, муниципальной властью и населением с целью выявления наиболее оптимальных, с точки зрения динамики общественного развития территории, форм взаимодействия.

Обозначена роль информационного поля, способствующего увеличению зоны легитимированных практик межсекторного взаимодействия. Проанализировано значение нормативной базы регулирования данных процессов на региональном и муниципальном уровнях. Исследованы стимулирующие процессы социальной самоорганизации населения и расширение возможностей функционирования общественного сектора в качестве самостоятельного субъекта публичной политики на региональном политическом пространстве.

Some Aspects of Consolidation Mechanism Formation of the Regional Community

I. I. Bryancev

Some approaches on studying and the comparative analysis of models of interaction NGO with regional, municipal authority and the population with the purpose revealing of the optimal forms of interaction, from the point of view of dynamics of social territory development, are presented.

The role of the information field promoting increase of a zone of legitimate practices of intersection interaction is designated. The meaning of normative base of regulation of given processes at a regional and municipal level is analyzed. Stimulating processes of social self-organizing of the population and expansion of opportunities of functioning of public sector as the independent subject of public policy on regional political space are investigated.

Социальные процессы современной России характеризуются постоянно возрастающим влиянием институтов гражданского общества на управленческие решения. Движущими силами метаморфоз в сфере социального управления, как наиболее полного отражения всего спектра социальных процессов, являются, вероятно, как общие демократические тенденции глобального масштаба, так и специфические российские факторы.

Во-первых, Россия при громадной территории и практически неисчерпаемых природных ресурсах во все большей степени ощущает дефицит человеческого ресурса. Демографические проблемы, рост затрат на получение профессионального образования и конкуренция на уровне мировой экономики диктуют необходимость оптимального исследования потенциала каждого работника, каждого члена общества.

Во-вторых, Россия радикально меняет курс экономического развития и соответственно стремится к изменению своей роли в мировой экономике. Превращение в высокоразвитую державу с передовой промышленностью и наукой, с эффективным государственным управлением на базе общественного самоуправления, разумеется, невозможно без многопланового сотрудничества государства и гражданского общества.

В-третьих, необходимы изменения и в самом гражданском обществе, чтобы оно совместно с государственной властью сформировало надежную платформу для дальнейшего развития экономики и социальных отношений. Эта задача осложняется тем, что в российском обществе достаточно распространены иждивенческие установки, правовой нигилизм, аморальные устремления.

Все эти, а также ряд других факторов диктуют необходимость создания механизмов эффективного взаимодействия и взаимоконтроля между властью и обществом.

При этом обязательно следует учитывать, что у государственных учреждений и